

После входа в Лес Шэцун Се Чунь перестала быть просто ученицей. Между ней и этими наёмниками существовали чёткие отношения подчинения. Её скорее можно было отнести к группе наёмников, чем к студентам, поэтому на разоблачение Сюй Гуанчуаня она не отреагировала как-то особенно. Юэ Чжоу давно это предчувствовала, и теперь, когда с Сюй Гуанчуаня была сорвана последняя маска, она почувствовала облегчение, словно подтвердилось: «Так и есть».

Юэ Чжоу подошла к Ло Цину, чтобы осмотреть его руку, обожжённую пламенем. На его обнажённой кисти виднелись многочисленные шрамы от ожогов. Это было странно: пламя на его руке только что погасло, но следы ожогов выглядели как старые, зажившие рубцы. Более того, рукав его одежды, который должен был быть обуглен, не имел ни малейших следов огня. Юэ Чжоу с удивлением закатала рукав Ло Цина и увидела, что его обнажённая рука была покрыта обширными уродливыми шрамами, похожими на разросшихся червей, — зрелище было поистине пугающим! После того как пламя погасло, боль в руке Ло Цина исчезла, и он, находясь в шоке от открывшейся правды, на мгновение забыл, что его рука только что горела. Привлечённый действиями Юэ Чжоу, он взглянул на свою руку и, увидев её ужасное состояние, буквально окаменел. Юэ Чжоу ясно услышала, как он сокрушённо пробормотал:

— И так не мог найти девушку, а теперь и вовсе никогда не женюсь!

Юэ Чжоу подняла взгляд на удручённое лицо Ло Цина, быстро опустила его рукав и поспешила утешить:

— Ничего страшного, у парней шрамы добавляют мужественности. К тому же после возвращения можно сделать операцию по удалению шрамов!

— Эх, главное, что жив остался, — покорно сказал Ло Цин.

Он взглянул на Сюй Гуанчуаня и, не увидев на его лице ни капли раскаяния, поник, как побеждённый петух. Бесспорно, разоблачение Сюй Гуанчуаня ударило по нему гораздо сильнее, чем шрамы на руке.

Боясь поджечься, никто не осмеливался приближаться к лампам из жира русалки. Все намеренно обходили их стороной, разглядывая настенные росписи. Обычно на стенах погребальных камер изображались сцены из жизни усопшего, что могло многое рассказать о его личности. Однако в Гробнице Инь всё было иначе. На левой и правой стенах находились четыре росписи, выполненные в богатой цветовой гамме, с плавными и энергичными линиями, что соответствовало стилю живописи эпохи Юань. Но странность заключалась в том, что все восемь росписей изображали одно и то же содержание.

Да, различались лишь персонажи, но сюжет был практически идентичным.

На каждой из восьми росписей был изображён император в драконьем халате, поднимающийся по высокой лестнице в облаках, в то время как в небе парили журавли. В правом верхнем углу росписи, в облаках, бессмертные взирали сверху вниз на императора на лестнице. Среди этих бессмертных наиболее детально была изображена прекрасная женская фигура. Живые линии тщательно выписали её длинные волосы и развевающиеся ленты. Несомненно, она была главной среди бессмертных, занимая самое почётное место.

Все восемь росписей рассказывали историю императоров, ищущих путь к бессмертию. Это было легко понять. Но что удивительно, судя по фасону драконьих халатов и телосложению императоров, на каждой росписи был изображён разный человек. Кроме того, различалось их положение на лестнице: первый император стоял у её основания, второй — в середине. Восемь

императоров занимали разные позиции, но лишь один стоял на самой вершине. Отношение главной бессмертной к этим императорам также различалось: она бросала на них презрительные взгляды, проявляла высокомерие, сохраняя в основном надменную позу небожительницы. Лишь к тому, кто стоял на вершине лестницы, она проявляла мягкость, на её лице появлялась лёгкая улыбка, и она протягивала руку, словно собираясь принять его.

Это было действительно странно. На стенах гробницы, которые должны были изображать жизнь погребённого, были нарисованы истории об императорах, ищущих бессмертия. Какое отношение это имело к усопшему? Ранее студенты предполагали, что погребённый, выбравший место с Ореолом Тайцзи для своей гробницы, был знатным генералом. Однако, увидев эти росписи, они начали сомневаться: может, погребённый был алхимиком, служившим при дворе императора и стремившимся к бессмертию? Но и это не объясняло, как он мог быть связан с восемью императорами.

— Я думаю, главное в этих росписях — не императоры, а эта бессмертная, — заключила Юэ Чжоу, внимательно изучив каждую роспись.

— Расскажи подробнее, — заинтересовалась Се Чунь.

Её интересовало не только мнение Юэ Чжоу, но и сами росписи. Увидев их содержание, Се Чунь, в отличие от других студентов, не была сбита с толку. Напротив, она казалась взволнованной, как будто содержание росписей её вполне устраивало.

Юэ Чжоу украдкой взглянула на Гу Лянвэй, которая, как и остальные, смотрела на неё. Желая немного покрасоваться, она указала на императора на росписи перед ней:

— Посмотрите на этих императоров. Большинство из них изображены со спины, а те, кто повернут лицом, показаны лишь в профиль. Их изображения не так детализированы, как, например, журавли в облаках. Только эта бессмертная прорисована с особой тщательностью. Попробуйте отойти на несколько шагов назад и посмотреть — вы увидите, что она выделяется больше всего.

Вэй Юйфэй сразу же отступил на несколько шагов и, взглянув на роспись с расстояния, действительно заметил, что все остальные элементы стали менее заметны. Императоры, поднимающиеся по высокой лестнице, были изображены маленькими и нечёткими, особенно с дальнего расстояния. Бессмертные в облаках, за исключением главной женской фигуры, были скрыты лёгкой дымкой, и только она оставалась ясно видимой, с каждым движением и улыбкой, прорисованными с величайшей точностью.

— Действительно! — сразу же подтвердил Вэй Юйфэй.

С древних времён не было императора, который не стремился бы к бессмертию. Но в их представлении даже бессмертные должны были служить императорской власти. В своих фантазиях они видели себя правителями даже на небесах, где бессмертные красавицы становились их наложницами. Таким образом, даже в росписях, изображающих поиски бессмертия, бессмертные должны были окружать императора, подчёркивая его величие. Однако в этих восьми росписях акцент был сделан на главной бессмертной, которая занимала возвышенное положение, что противоречило обычным представлениям. Это было странно и необъяснимо. Юэ Чжоу лишь заметила это, но не могла дать точного объяснения. Однако этого было достаточно. Увидев, как её слова заставили всех задуматься, она почувствовала лёгкую радость. Это чувство, когда наконец нашёл применение своим знаниям, было непередаваемым.

Кроме этих восьми росписей и четырёх странных каменных статуй на потолке, в этой

погребальной камере больше не было ничего ценного. Хотя, конечно, понятие «ценности» у каждого своё. Для студентов ценными были предметы, которые могли рассказать о личности погребённого или о быте того времени. Если бы сюда пробрались грабители, то для них самыми ценными были бы драгоценности на каменных лампах. Юэ Чжоу, изучая археологию, видела множество древних артефактов и обладала хорошим глазом. Она сразу поняла, что эти драгоценности были необычайно ценными, даже более ценными, чем те, что находили в гробницах императоров. Они могли быть сокровищами, которые погребённый хранил как самое дорогое. Если бы их выставили на продажу, они стали бы бесценными. Особенно под светом ламп из жира русалки, где драгоценности переливались зловещими бликами, что даже вызвало у Юэ Чжоу чувство зависти. Но после случая с Ло Циньм никто не осмеливался подойти к этим лампам, все старались держаться от них подальше.

Внезапно вспомнив о грабителях, Юэ Чжоу невольно взглянула на наёмников.

Авторские слова: Кудрявая овечка · Чжоу ест Гу · Гу Лянвэй. Вау, то, что она смогла сделать такой вывод, просто невероятно мило!

<http://bllate.org/book/16246/1461287>